

юношей, но и для зрелых людей, бесповоротно разочаровавшихся в западном обществе.

И. ТЕРТЕРЯН

ФРАЗЫ И ШТАМПЫ

К. Сапек. *V zajetí slov. Praha, Svoboda, 1969.*

Каждое посмертное издание произведений большого писателя не может не вызвать какого-то особого волнения. Кажется, будто снова звучит живой голос автора, будто он сообщает читателям то, что еще не успел сказать при жизни. И в книге Карела Чапека «В плену слов», изданной в Чехословакии в 1969 году, мы узнаем знакомый голос чешского писателя, слышим его мудрую, чуть насмешливую речь, находим его сердечную доброту и трезвое понимание слабостей человеческих.

Книга составлена согласно замыслу автора, который он не успел осуществить при жизни. Ее первая часть — это фельетоны, объединенные общей темой и вышедшие в 1920 году под заголовком «Критика слов». Вторая часть состоит из материалов, разбросанных по различным периодическим изданиям и никогда не издававшихся в виде книги. Наконец, последний раздел книги — «Из жизни слов» посвящен специальным лингвистическим вопросам происхождения и бытования тех или иных словосочетаний.

Несомненно, что замечательный мастер языка, о котором его друг и сверстник чешский писатель Э. Басс писал: «Чапек любил родной язык, пестовал и культивировал его с такой же заботой, как прекраснейшее и редчайшее растение в своем садике», — способен рассказать немало интересного о своей работе над словом. Но Чапек подходит к жизни слова в этой книге совсем с иной стороны. В фельетоне «Если бы я был лингвистом», открывающем книгу вместо предисловия, Чапек пишет, что лингвистический анализ может стать «духовной диагностикой» и что, «вскрыв дефекты, злоупотребления, бессмыслицы и неточности словесного выражения, можно найти подобные же недостатки в социальном мышлении». В эту сторону и направлено внимание писателя.

Чапек всю жизнь много работал для газет, он писал статьи, фельетоны, юморески, эпиграммы. Хорошо зная подводные камни журналистского ремесла, Чапек считал самым опасным из них — пустую риторику, газетный штамп. «Никакой обман не компрометирует человеческое мышление так, как пустая фраза», — писал он.

В этой книге Чапека мы найдем целое исследование о фразерстве, написанное со свойственным чешскому писателю юмором. «Простое, деловитое, искреннее высказывание не может стать штампом, даже если его повторяют миллионы уст ежедневно. Из сообщения, что у него умерла тетья, не создаст штампа даже самый отчаянный трепач.

Только вся беда в том, что трепач этим никогда не ограничится, он обязательно провозгласит, что неумолимый рок вырвал из наших рядов его возлюбленную тетюшку».

Чапек внимательно исследует «философию штампа». Он отмечает, что фраза, превратившаяся в штамп, никогда не рассчитана на то, чтобы ее понимали дословно («если говорится, что наш народ стонет под бременем налогов, то при этом вовсе не имеется в виду, что на улицах слышны стенания, вопли и рыдания налогоплательщиков»). Поскольку такая фраза всегда содержит в себе преувеличение, она имеет, по выражению Чапека, «моральное алиби» и не подлежит контролю с точки зрения соответствия фактов. Но в то же время, поскольку каждый порядочный штамп совершенно стерт, его нельзя выдавать и за эстетическую ценность. «И хуже всего то, — заключает Чапек, — что штамп даже нельзя разоблачить, как ложь или ошибку, по своей абсолютной пустоте он вне лжи и вне правды». Но он мешает искать и выражать истину, и в этом его страшный грех.

Материал для подобных наблюдений Чапеку давала хорошо ему известная практика чехословацкой буржуазной прессы и буржуазного парламентаризма.

Чапек вступает в борьбу со штампом, пытаясь «остранить» фразу, требуя от нее несвойственных ей деловых, конкретных ответов. Например: «Каждый может заявить: «В нас живы великие заветы Яна Гуса». Но кто решится заявить: «Во мне живы великие заветы Яна Гуса?» Конкретизируя таким же образом излюбленное заявление ораторов той поры, что они говорят «от имени всех» или «от имени каждого честного чеха», Чапек приходит к выводу, что такое заявление вовсе не требует знания того, что на самом деле думают «все».

Права индивидуума неотделимы для Чапека от его обязанностей, и, обличая ту опасность, которая таилась в замене самостоятельной мысли штампованными фразами, Чапек неизменно возвращается к очень важной для него проблеме личной ответственности. «Слово «мы» употребляется в бурные эпохи... Это слово проникнуто духом солидарности. Ободряющее слово... Но оно имеет свой дефект; оно удобно и ни к чему не обязывает. Никакое «мы» не спасет тебя, если я не дам хотя бы луковицу. «Я» — слово практическое, обязывающее и действенное. Оно бесконечно скромнее, чем «мы», это слово тяжелое и беспокоящее; «я» — выражение совести и действия». Впрочем, в этом противопоставлении сказалось известное недоверие Чапека к силе и возможностям коллектива.

Чапек касается острейших социальных устройств своего времени. Интересен в этом смысле его фельетон 1933 года, посвященный излюбленному лозунгу чехословацких националистических групп: «Мы хотим быть хозяевами в своем доме». И этот претенци-

озный лозунг Чапек переводит в конкретный бытовой план: «Быть хозяином в своем доме — вовсе не значит покрикивать, разгудывая по коридору, чтобы каждый сразу видел, кто тут хозяин; быть хозяином — значит заботиться о доме, чтобы не текла крыша, не облупливались стены, чтобы дом был красивый, чистый и содержался в идеальном порядке». И, развивая свою мысль дальше, Чапек делает вывод, что «люди в нищем подвале не могут, конечно, чувствовать себя хозяевами», в то время как хозяином в собственном доме должен быть весь народ.

В начале 30-х годов, в эпоху экономического кризиса в Чехословакии, Чапек особенно напряженно задумывается над вопросами социального неравенства. Впрочем, в этих размышлениях часто сказывается известная ограниченность мировоззрения Чапека, порой мешавшая ему находить верные ответы. Так, он полагает, что если бы вместо слов «классовая борьба» употреблялся, скажем, термин «материальные интересы» или «жажда справедливости», то «мир был бы гораздо более доброжелательным и даже более щедрым».

В размышлениях Чапека о фразах и штампах всегда чувствуется отзвук эпохи. Он все более ясно понимает, что штамп может при определенных общественных условиях сыграть очень печальную роль, так как «став заменителем образования, мышления, чувств, опыта, убеждений, веры, он помогает фальсифицировать все духовные ценности». В 1933 году, когда были написаны эти слова, Чапек мог наблюдать, как после прихода к власти фашизма в Германии бредовая демагогия начинала осуществляться на практике. В антифашистских статьях этих лет Чапек с горечью констатирует, что фашисты сумели поставить на широкую ногу процесс оглушения масс. И в рассуждениях Чапека о штампе вместо добродушного юмора начинают звучать трагические ноты. Особенно горький смысл приобретают размышления Чапека в 1938 году, когда опасность нависла непосредственно над его родиной.

В размышлениях о штампах Чапек затрагивает самые разные области их употребления. Так, в главке «Вопрос или проблема» Чапек иронически советует: «Не говори — «стол», а лучше — «проблема стола», не рассуждай о драме, а лучше о «вопросах драмы» (нельзя не признать актуальность

этого соображения и для нашей научной и критической терминологии!). Для того чтобы говорить о действительных фактах, продолжает Чапек, «надо иметь уверенность или хотя бы опыт, тогда как при разговорах о проблемах предпочтительнее неуверенность и хотя бы неопытность».

Использование словечка «слишком» дает Чапеку случай поиздеваться над мещанским пристрастием к золотой середине, на этот раз в области эстетики: над теми, кто считает «Шекспира слишком неклассическим, Корнеля слишком классическим, Гюго слишком романтическим, Золя слишком реалистическим... стихи слишком короткими, а роман слишком длинным...» Известно, с каким отвращением относился Чапек к сентиментально-мещанской литературной продукции. В «Критике слов», в главе под заголовком «Смерть», Чапек протестует... о нет, не против смерти, а против непомерно высокой смертности в литературе. Он восклицает с комическим пафосом: «Как хотите, но я не могу признать, скажем, необходимость эффектной развязки достаточным моральным оправданием для убийства автором своего героя. Я вообще отрицаю неограниченное право автора на человеческую жизнь». А в шутовском рассуждении об употреблении слова «холодный» Чапек неожиданно обретает подлинный пафос, говоря о силе разума: «Инстинкт безошибочно осуществляет то, что делалось в течение десятилетий, тогда как разум ведет при минимальном успехе к новым свершениям. И поэтому я прошу вас, ради всего святого, уважайте разум и не называйте его холодным. Напротив, добрый, здоровый рассудок согревается от трения о те обстоятельства и ситуации, которые он преодолевает. Он изобретателен, как ребенок, и скромен, как настоящий труженик... Он предоставляет вам бесконечную возможность приключений и ошибок, но также возможность выбора».

Чапек писал в статье «Если бы я был лингвистом»: «Человеческая речь является таким же прямым и достоверным проявлением нашей духовной жизни, как стук сердца и обмен веществ — проявлением нашего физического существования». И замечания Чапека по поводу «заболеваний и дефектов» человеческой речи полны такой же любовью к людям, как и все его творчество.

И. БЕРНШТЕЙН

